

В. А. Иванов

Человек и какофония начавшейся войны (лето – осень 1941 г.): новые источники и попытки осмысления

Старайтесь перенять у немцев их самое грозное и страшное оружие — организованность и четкость.

Из письма военюриста Л. Силина своим детям с фронта в августе 1941 г.

В советской исторической литературе, общественной и повседневной жизни предвоенного периода победная риторика стала ключевой, определяющей. Кино, радио, разного рода публикации ежедневно творили колосс непреодолимой военно-политической мощи большевистского государства и всей его системы для любого агрессора, кем бы он ни был. Эта риторика особенно усилилась после фактического военного и дипломатического поражения СССР в Зимней войне с Финляндией (1939–1940 гг.). Очередным сигналом к активизации этой деятельности стала записка И. В. Сталина председателю Комитета по делам кинематографии при СНК СССР И. Г. Большакову 9 июня 1940 г. по поводу сценария кинофильма «Суворов» и одноименной пьесы, демонстрируемой в ведомственном военном театре¹. Уже весной – летом 1940 г. был спешно завершён процесс оформления в составе Главного политического управления Красной Армии, округов и политотделов армий Седьмого управления (отделов и отделений) пропаганды среди войск и населения противника, одной из задач которых являлось разложение фронта и тыла врага, пропаганда военных успехов Красной Армии².

В пылу бравурности даже прозвучал призыв секретаря ЦК ВКП(б) и Ленинградского обкома и горкома партии А. А. Жданова ко всем партийным инстанциям пограничных районов

Иванов Виктор Александрович,
доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Северо-Запада РСФСР превратить их «в неприступный пост советского патриотизма ... Соседи у нас эстонцы, латыши, финны — народ не надежный, в особенности такие агрессоры, как финны»³. Действительно, отношения СССР с Финляндией в течение всего межвоенного периода более всего подходили под формулировку «le suspense diplomatique». При этом Финляндия воспринималась как страна «неизменно склонная поддерживать любую антисоветскую авантюру...»⁴. Тогда же А. А. Жданов говорил о советских пограничных районах как об «оазисах социализма», о «благодатных нивах», глядя на которые из-за границы, граждане сопредельных стран возжелали бы быть участниками строительства социализма и т. п.

На деле же, пограничные районы страны ускоренно очищались от так называемых «сомнительных» и «неблагонадежных» элементов и заселялись бывшими красноармейцами, членами их семей и активом из соседних и центральных областей Союза ССР. Хотя к лету 1941 г. в пограничных районах Северо-Запада РСФСР, как и в самой Ленинградской области, уже неоднократно были осуществлены специальные операции по «зачистке» региона, мобилизационный план Управления НКВД СССР по Ленинградской области на военное время предусматривал проведение повторных акций с аналогичной целью⁵. Кстати, при его разработке еще в конце января 1940 г. были детализированы многие вопросы деятельности органов Управления государственной безопасности и Управление рабоче-крестьянской милиции УНКВД СССР по Ленобласти в военный период, особенно в районах с наибольшим количеством антисоветских и уголовных элементов, а также уточнена схема оперативно-чекистского обслуживания призывных и сборно-сдаточных пунктов в мобпериод; более конкретно определялся порядок и этапность операций по изъятию и очистке приграничных районов Ленинграда и его пригородов от активного уголовно-преступного элемента⁶.

Война застала войска Ленинградского военного округа (командующий — генерал-лейтенант М. М. Попов, член Военного совета — корпусной комиссар Н. Н. Клементьев) в пунктах постоянной дислокации и лагерях. Активные действия наземных войск на границе с Финляндией начались только 29 июня, поэтому соединения и части округа были в основном развернуты в соответствии с планом прикрытия. Вместе с тем даже в этих условиях советская армейская группировка начала создаваться с опозданием на трое суток, в соответствии с распоряжением Генерального Штаба: «Мероприятия по развертыванию не проводить и не давать финнам повода для провокации»⁷.

Явным просчетом Генерального Штаба являлось также недостаточное прикрытие петрозаводского направления. Войска 23-й армии на Карельском перешейке заняли крайне невыгодный рубеж на государственной границе. Как показали последующие события, для обороны наиболее целесообразный рубеж выстраивался в 15–30 км от границы, но не ближе. Дальнейшее наступление Карельской армии финнов (7-й дивизии и 3-й

бригады) с 10 июля 1941 г. лишь усложнило положение Северного (после 23 августа — Ленинградского. — *В. И.*) фронта.

Создание главного командования войск Северо-Западного стратегического направления (главнокомандующий — Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов) мало что решало, а после июльско-августовского отступления войск и стратегических резервов на всем Северо-Западе РСФСР и вовсе показало его оперативно-управленческую несостоятельность. С первых дней Великой Отечественной войны Ленинградская область стала прифронтовой, а после падения городов Острова (6 июля) и Пскова (9 июля) боевые действия уже шли непосредственно на ее территории. К осени 1941 г. из 72 районов области полностью был занят противником 51 район, и 12 районов — частично. Вражескими войсками были оккупированы города: Выборг (10 июля), Порхов (11 июля), Гдов (19 июля), Старая Русса (9 августа), Кингисепп (16 августа), Новгород (19 августа), Чудово (20 августа), Луга (24 августа), Любань (25 августа), Тосно (29 августа), Териоки (Зеленогорск, 31 августа), Красное Село (12 сентября), Красногвардейск (Гатчина, 13 сентября), Слуцк (Павловск, 16 сентября), Пушкин (17 сентября)⁸.

Боеспособность советских войск, участвовавших в боях на Северо-Западе страны с конца июня и до начала сентября 1941 г., была крайне низкой. Например, 41 стрелковый корпус, переданный 13 июля из Северо-Западного фронта в подчинение Северного фронта, был полностью дезорганизован. Его соединения, понесшие потери в предыдущих боях, были деморализованы, штабы и командиры растерялись и показали несостоятельность в управлении войсками⁹. Так, из доклада К. Е. Ворошилова и А. А. Жданова И. В. Сталину 28 августа было видно, что в обороняющихся кадровых частях РККА дело дошло до установления выборного начала, когда «в нормальных (имеется ввиду боевых. — *В. И.*) дивизиях, после того, как командиры разбежались, бойцы выбирали себе командиров»¹⁰. Сталин расценил этот принцип «партизанщины» недопустимым и крайне опасным в условиях современной войны. В отступающих частях Красной Армии к тому же упорно циркулировали слухи о безоговорочном исполнении в немецких подразделениях печально известного «приказа о комиссарах» — немедленном расстреле всех пленных политруков, коммунистов и евреев. По оценке К. Штрайта «следует считать доказанным, что этот приказ летом и осенью 1941 г. выполнялся в большинстве (немецких. — *В. И.*) дивизий»¹¹.

Нередко обстановкой и положением в подчиненных войсках не владели и командующие армиями. Генерал И. И. Федюнинский, принявший в середине сентября 1941 г. командование 42-й армией, позже вспоминал, что в один из дней его предшественник, генерал-лейтенант Ф. С. Иванов, вообще не ориентировался в ситуации на фронте и даже не пытался на этот счет оправдываться¹². Ничего удивительного не было и в том, что ни одна из поставленных перед Северным фронтом боевых задач на случай войны (еще по Опер. плану осенью 1940 г. — *В. И.*)¹³ оказалась невыполненной.

Но наибольшие «потери» коснулись морально-боевого духа войск, особенно тех частей и соединений, которые были в боях, окружении, частично или полностью разбиты и рассеяны противником. Данные военной цензуры Особого отдела НКВД Северного фронта о результатах обработки около 541 тыс. писем бойцов и командиров, написанных в период с 22 июня по 6 августа 1941 г., свидетельствовали якобы о том, что только в 9,5 тыс. писем (1,8 %) содержались «не патриотические» тексты, а остальные 98,1 % отражали глубокую преданность Родине и готовность сражаться с врагом до конца¹⁴. Из материалов данной сводки трудно определить соотношение по таким письмам для реально сражающихся в этот промежуток частей и вновь формируемых подразделений, ни разу не вступивших с неприятелем в огневой контакт.

Среди тех, кто побывал в боевых столкновениях с противником, ходила устойчивая молва о командирах-предателях, умышленно сдающих врагу позиции советских войск, технику и вооружение. Так, в одном из писем летом 1941 г. боец А. Б. Гуринев писал Е. Б. Курмишовой: «Катя, успехи у нас были не блестящие, потому что много командного состава оказались предателями, ну их всех забрали и предали суду, они отдали Псков без единого выстрела»¹⁵. Нет сомнений, что эти настроения были вызваны повсеместной реализацией в этот период приказа № 270 Ставки Верховного Главнокомандования от 16 августа 1941 г., в котором впервые после гражданской войны открыто и поименно перечислялся высший командный состав РККА, обвиненный в провале управления войсками, предательстве и сдаче в плен врагу¹⁶.

В конце июля 1941 г. в частях Северного фронта практически все бойцы и командиры знали об аресте и расстреле бывшего командира 118 стрелковой дивизии генерала Н. М. Гловацкого, имевшего (и не выполнившего. — *В. И.*) задачу оборонять Старо-Псковский укрепрайон и г. Псков. В это же время были арестованы командир 48-й стрелковой дивизии полковник А. М. Мельников и старшие офицеры штаба Северного фронта А. Г. Григорьев и Т. С. Назин. Чуть позже был арестован и бывший командующий Лужской оперативной группы генерал-лейтенант К. П. Пядышев¹⁷. Конечно, репрессии командного состава ослабляли процесс управления войсками, но они не были ключевыми причинами крупных поражений советских войск, как считают отдельные исследователи, в том числе применительно к неудачам в обороне Псковского укрепрайона летом 1941 г.¹⁸ Многие причины носили «многоуровневый» характер и довольно часто объяснялись не «человеческим» фактором и материально-техническими составляющими, а элементарной нехваткой времени или отсутствием достоверных разведданных, слабой рекогносцировкой района боевых действий и др.

Аресты «командиров-предателей» продолжились и далее, с той лишь разницей, что теперь в их биографии «неожиданно» появлялись сведения об их дворянском прошлом, службе в русской и белой армиях и др. В числе фигурантов по Северному фронту

оказались, например, офицеры В. Н. Роганов, М. А. Чашин, Н. М. Новиков, М. И. Певзнер, В. А. Фирсов, А. К. Ванченко-Писаницкий, Е. В. Жаков, В. А. Андреев, Ф. Г. Кузнецов, А. В. Германович и многие другие. Хотя еще до начала войны в Ленинграде и Москве все знали о проблемах нехватки вооружений по Западному укрепрайону Краснознаменного Балтийского флота, где не хватало около 20 орудий, почти 2 тысяч винтовок, 122 станковых пулеметов, 22 минометов и другого стрелкового оружия, их некомплект в начале августа 1941 г. был расценен как вредительство.

Между тем сам Главнокомандующий К. Е. Ворошилов признавал 11 августа, что «...на нештатные формирования Западного УРа оружия нет»¹⁹. Тогда же Ворошилов был ознакомлен с донесением о том, что с боевых кораблей КБФ происходила массовая сдача в мастерские склада № 1 Кронштадтского военного порта торпед образца «53–38». Около 40 сданных торпед, изготовленных на Ленинградских заводах № 181 и № 182, имели серьезные дефекты и не были готовы к боевому применению. Отдельные подлодки полностью сдавали весь боезапас (12 торпед. — *В. И.*) Командиры лодок еще до начала войны знали о непригодности торпед (пропуск воздуха через дно воздушного резервуара и водяного отсека. — *В. И.*), но были вынуждены их получать, имитируя тем самым полную боевую готовность²⁰. Все это делалось по команде «сверху».

Вероломное нападение врага, колоссальные потери в живой силе и технике, «паралич» в управлении войсками, хаос и полная неорганизованность военных и гражданских лиц по всему фронту соприкосновения с немецкими и финскими войсками взвинчивали истерию вокруг фактов измены и предательства, создавая благоприятную среду для различных преступлений. Так, уже 23 июня 1941 г. военнослужащие 361 ОЗАД и 414 ОАТБ без всяких оснований задержали, а затем расстреляли по сговору 28 сотрудников НКВД, милиции и банковских работников, вывозивших в тыл деньги и золото одного из городских банков, а также секретные архивы горотдела НКВД²¹.

В ночь на 6 августа 1941 г. младшие офицеры 527-го стрелкового полка 118-й стрелковой дивизии (там, где 26 июля перед строем был расстрелян командир этой дивизии генерал-майор Н. М. Гловацкий. — *В. И.*) С. Г. Токарь и Н. Ф. Артеменок со своими подчиненными также расстреляли перед строем прибывших в расположение части начальника Политотдела 8-й армии бригадного комиссара Мареева и заместителя начальника Особого отдела НКВД 8-й армии сотрудника госбезопасности Подчасова, убедив подчиненных в том, что это «переодетые шпионы и предатели»²². Допрошенные по этому делу арестованные командиры в один голос утверждали, что они впервые видели этих начальников, а их распоряжение о начале очередной атаки носило, с их точки зрения, абсолютно бессмысленный и губительный для всех характер и якобы было нацелено на их «полное истребление». Прибывшие начальники пытались угрозами оружием и трибуналом добиться выполнения приказа, однако от плотного огня противника часть и так понесла

колоссальные потери. Хотя в войсках повсеместно пресекались любые разговоры об измене Родине и подобных расправах, «солдатское радио» (не без помощи немецких листовок. — *В. И.*) не раз пересказывало различные слухи о групповых неповиновениях, насилии в отношении командиров, переходе на сторону противника некоторых советских генералов, старших офицеров и даже целых частей с боевыми знаменами²³.

По мере продвижения противника к Ленинграду и разгрома собранных «на скорую руку» и совсем неподготовленных советских частей, резко возросло число дезертиров, членовредителей, неорганизованно отходящих военнослужащих и добровольно перешедших на сторону врага. В перехваченном военной цензурой письме «сына Феди с фронта» в г. Чебоксары своей матери А. Ф. Кисловой он сетует: «Зачем ты дорогая мама пустила на свет, лучше ты придушила на роду, неужели так жить...»²⁴. В своем дневнике красноармеец С. Ф. Пуляков (расстрелянный в марте 1942 г. — *В. И.*) 16 августа 1941 г. записал, что он призван в РККА «с очень подавленным настроением»²⁵. Его, как и других военнослужащих, угнетала мысль о том, что их родные и близкие находятся на оккупированной территории. Очевидно, должно было пройти немало времени, пока все бойцы и командиры научились бы на фронте побеждать свой собственный страх и держаться с достоинством²⁶.

К беспорядочности и полной путанице июня – августа 1941 г. на Северном фронте сначала добавились перебои, а затем и фактическое прекращение снабжения войск всем необходимым для ведения боя и поддержания жизни. В конце осени практически во всех фронтовых частях стали испытывать голод. Красноармеец 798-го артполка 265-й стрелковой дивизии Н. М. Добушкин делился в своем окружении: «Я и все бойцы на передовой лежим, опухшие от голода. Надо бросать оружие и сдаваться в плен»²⁷. Участились случаи коллективного отказа принимать пищу, которую нельзя было считать съедобной. В некоторых подразделениях военнослужащие требовали выдачи всех положенных им продуктов «на руки».

Острая нехватка продуктов питания в войсках Ленфронта объяснялась еще и тем, что организация управления тылом в новых условиях (отмобилизование, развертывание, вступление в бой частей и соединений. — *В. И.*) полностью не сложилась, а в ряде оперативных районов фронта снабжение войск и вовсе прекратилось из-за отсутствия запасов и срыва поставок. Вот как описывает ситуацию с эвакуацией скота, начавшейся в конце июля – начале августа 1941 г., местный житель А. Шмидт: «Эвакуация скота началась через Неву по мосту в районе пос. Отрадное и на станцию Мга. Переправа представляла собой ужасающее зрелище. Не успели еще полностью перегнать скотину и технику, как нам навстречу со станции Мга хлынул поток беженцев и отступающие отряды красноармейцев. Повсюду слышны крики: “Куда гоните? Там уже немцы!” Страх предстоящего плена, мы в замешательстве. Обратно мы уже пробирались через заградительные отряды войск. Шум, мычание, гвалт – сушая неразбериха». В итоге и техника и скот были брошены, до-

ставшись противнику²⁸. По донесениям территориальных органов НКВД в августе 1941 г. практически все партизанские отряды в Новгородском и Псковском округах «разошлись сами, не в силах бороться с... голодом»²⁹.

Нередкими стали пересказы отдельных военнослужащих о якобы хлебосольности немецких и финских солдат, щедро раздающих хлеб, масло, кофе и даже спиртное оказавшимся в их расположениях красноармейцам и жителям оккупированных территорий.

Чтобы удержать бежавших с передовой линии военнослужащих и восстановить потерянное управление войсками, командование фронтом во второй половине августа все чаще использовало заградслужбу органов НКВД. Когда в районе Кингисеппского сектора обороны сложилась патовая ситуация, туда был направлен батальон Особого отдела НКВД Северного фронта в составе 300 чел. Только за 15 и 16 августа созданными заградотрядами в этом районе было задержано в тылах обороняющихся частей около 2,2 тыс. военнослужащих, бежавших с передовой, в том числе 61 чел. командного и начальствующего состава³⁰. Всего же на Ленинградском фронте с 17 июля по 22 августа 1941 г. заградотрядами и оперативными группами особорганов было остановлено более 13,6 тыс. бойцов и командиров, самовольно покинувших оборонительные рубежи и дезертировавших в тыл³¹. В итоге с 22 июня по 31 декабря 1941 г. из частей Ленинградского фронта путем ареста было изъято почти 8 тыс. человек, причем около 6 тыс. из них — из стрелковых частей, в основном за измену Родине. За пять месяцев войны к высшей мере наказания было приговорено почти 3,5 тыс. чел.³² Говоря о деятельности оперативных заслонов и заградотрядов в годы войны, и в первый ее период в особенности, нельзя не согласиться с утверждениями В. С. Христофорова и А. М. Плеханова о том, что до сих пор исследователями не установлен ни один факт, который подтверждал бы, что заградотряды стреляли на поражение по своим войскам³³.

Расстрелы паникеров и дезертиров, как правило, проводились на поле боя и перед строем. Отдаленно это напоминало расправу, освященную «военной необходимостью», или показательное убийство вдруг запаниковавших военнослужащих. Например, только с 20 по 29 июля 1941 г. из 71 чел., приговоренного к высшей мере наказания по решению особых отделов Северного фронта, было расстреляно на поле боя 23 военнослужащих. Начальник Особого отдела НКВД Северного фронта П. Т. Куприн в донесении на имя А. А. Жданова особо подчеркивал «мобилизующее значение» такого рода расстрелов паникеров и дезертиров и уверял его, что благодаря столь жестким мерам в дальнейшем удалось заметно сократить эти воинские преступления³⁴.

На самом деле, репрессивные меры органов военной контрразведки впоследствии только усиливались, не в последнюю очередь из-за ухудшения обстановки на фронте. Осень 1941 г. на Ленинградском фронте была отмечена ростом актов «измены Родине» в форме безнаказанного одиночного и группового (в основном в составе групп,

отделений и целых взводов. — *В. И.*) перехода на сторону противника и увеличении числа фактов членовредительства.

Особый отдел НКВД Ленинградского фронта информировал начальника Политуправления фронта бригадного комиссара П. А. Тюркина (до войны — ректора Политехнического института. — *В. И.*) о том, что «измена Родине в частях Ленинградского фронта... была широко распространена и представляла собой серьезную угрозу. Особенно большой рост актов измены Родине имел место в ноябре месяце 1941 года. Если за период с 15 сентября 1941 года по 27 октября 1941 года по частям фронта безнаказанно перешло на сторону противника 268 человек, то только за ноябрь месяц 1941 года перешло на сторону противника — 622 человека»³⁵. Более 500 военнослужащих в этот период пытались перейти линию фронта, но были задержаны и арестованы.

Отсутствие должной заботы о личном составе, его боевой подготовке и моральном воспитании, ослабление контроля за ним со стороны командиров и политорганов способствовали тому, что в войсках фронта к зиме 1941 г. появились целые подразделения и части, почти полностью «пораженные» членовредительством. Командиры подразделений, политруки и сотрудники особых органов получили дополнительные указания тщательно расследовать все факты огнестрельных и ножевых ранений, отравлений, увечий, травм, в том числе — полученных в бою.

Изобличенные в членовредительстве, как правило, заявляли, что до них никому из командиров не было дела. Долгое время они не отдыхали, переносили болезни «на ногах», были истощены и подавлены. Тяжести и страдания порой казались невыносимыми. Так, в изъятом военной цензурой письме красноармейца Ф. И. Соколова своему брату можно прочитать: «Леня, я хочу сделать одну вещь — сломать ногу, чтобы отдохнуть месяц. Прошу, посоветуй, но только пиши аккуратней, а то мне будет крест»³⁶. Другой красноармеец писал своим дочерям в г. Родники: «нет спасу даже здесь в окопах и ежеминутно ждем смерти, только и говорим — оторвало бы ногу, это было бы сейчас спасение»³⁷.

При всей очевидности и прикладном смысле этого солдатского фатализма, многое все же остается загадкой. Можно лишь предположить, опираясь на данные о других периодах войны, почему уже в 1943–1945 гг. эпизоды членовредительства в войсках Ленинградского фронта стали носить единичный характер, как и групповые переходы к противнику.

Начавшиеся боевые действия показали также, что в войсках обозначилось немалое число проблем и в области военной юриспруденции. По точному замечанию В. И. Боева, правовой механизм военного времени и его детальная регламентация были разработаны не накануне, а непосредственно во время Великой Отечественной войны. Хотя в эти годы и был официально введен термин «законы военного времени», однако в силу историко-

правовой традиции эти законы так и не были представлены как обособленный нормативный акт³⁸. Все это порождало определенные трудности и неразбериху, заметно отражающиеся на судьбах граждан.

Вскрылись и другие проблемы. Практически ценой колоссальных усилий и только лишь к началу зимы 1942 г. удалось в целом устранить негативные последствия контрразведывательных «реформаций» 1941 г., когда делалась попытка изъять органы военной контрразведки из общей системы госбезопасности³⁹. Эти усилия позволили не только создать единый централизованный орган охраны государственной и общественной безопасности в стране вообще, но и усилить борьбу с особо опасными преступлениями на фронте, в частности⁴⁰.

Знаковые перемены в индивидуальном и общественном сознании произошли и у гражданского населения на Северо-Западе РСФСР. Оно оказалось в ситуации «экстремального режима»⁴¹. По мере приближения немецких войск к Ленинграду менялись господствующие ранее суждения и оценки местных жителей относительно советского военно-идеологического могущества⁴². Общество оказалось в своеобразной «ловушке». С одной стороны, оно было идейно и нравственно «привито», воспринимая агрессоров и развязанную ими войну как истребительную и тотальную, с очевидной ее концовкой. Правда, отдельные иностранцы утверждали, что в 1940-е гг. «говорить о высокоморальном поведении русских было бы смешно, так как большинство из них (якобы. — В. И.) отказались от церкви»⁴³.

С другой стороны, уже в первые месяцы войны наступило крайне болезненное разочарование и прощание с мифологизированным советским «военно-идеологическим оберегом», потерявшим свою былую респектабельность в условиях необычайно жестокой войны. Этому во многом способствовали ужасающие условия военного быта, каждодневные «мини-сражения» за существование, жизнь, особенно в заблокированном Ленинграде. Так, уже в конце осени – начале зимы 1941 г. на рынках-толкучках города за 100 г хлеба просили 30 руб., за 100 г масла — 70–80 руб., за 1 кг мяса — 200 руб., за 1 кг картофеля — 60 руб. и т. д. И это при том, что у населения города на руках практически не было наличных денег. Обмен продуктов на промтовары в этот период напоминал ограбление и выглядел следующим образом: за дамское кроличье манто можно было выручить один пуд (16 кг) картофеля, за карманные часы — 1,3 кг хлеба, за валенки с галошами — 4 кг жмыха, а за русские сапоги — 3 кг хлеба⁴⁴.

Отдельный человек, группы людей, столкнувшись «один на один» с всепоглощающим Молохом войны, с ее ужасом и иррациональностью, вырабатывали свой, более адаптивный механизм включения себя в новые системные отношения, порождаемые ею⁴⁵. В рамках глобального «Мы» прочное место стала занимать такая действительная корпункула государственного могущества, как «Я».

Как представляется, такое замещение произошло не сразу, но без трагического начального периода войны оно было бы невозможным вообще. Войну выиграли «Мы», питаемые неистребимой энергетикой индивидуального «Я». Именно летом – осенью 1941 г. в полном объеме проявилась цена и порочность проводимой властями идеологической и массово-политической работы в предвоенный период, прозванной в народе «политической трескотней». В эти месяцы в индивидуальном и общественном сознании были заложены основы формирования нового образа войны, более реалистичного и содержательного.

¹ Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)—ВКП(б), ВЧК—ОГПУ—НКВД о культурной политике. 1917–1953 / Под ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. А. Артизов, О. Наумов. М., 2002. С. 445–446.

² Политическая работа среди войск и населения противника в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). М., 1971. С. 17, 25.

³ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 24. Оп. 2а. Д. 21. Л. 18.

⁴ Зимняя война 1939–1949 гг. в документах НКВД: По мат-лам Архива Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области / Авт.-сост. С. К. Бернев, А. И. Рупасов. СПб., 2010. С. 7.

⁵ Отдел архивной информации Информационного центра Главного управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 39. Л. 207, 208.

⁶ Иванов В. А., Иванов Д. В. Мобилизационный план НКВД СССР по агентурно-оперативной работе на военное время / «Роман с КЛИО...»: Сб. ст. к 60-летию проф. С. Н. Полтарака. СПб., 2016. С. 55.

⁷ 1941 год — уроки и выводы. М., 1992. С. 89.

⁸ Черказьянова И. В. Ленинградские немцы: судьба военных поколений (1941–1955 гг.). СПб., 2011. С. 17–18.

⁹ Там же. С. 125.

¹⁰ «Вы просто неорганизованные люди и не чувствуете ответственности за свои действия»: из переговоров по прямому проводу между Москвой и Ленинградом в 1941–1942 гг. / Публ. К. А. Болдовского, Г. Л. Соболева, М. В. Ходякова // Новейшая история России. 2014. № 1. С. 278–279.

¹¹ Штрайт К. «Они нам не товарищи...»: Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. / Пер. с нем. И. Дьяконова. М., 2009. С. 18.

¹² Мосунов В. А. Битва за Ленинград. Неизвестная оборона. М., 2014. С. 163–164.

¹³ Рассекреченное лето 1941 г.: Сб. док. в и мат-лов / Сост. А. П. Аристов. М., 2011. С. 6, 18–20.

¹⁴ Архив УФСБ РФ по Омской области. Ф. 40. Оп. 19а. П. 4. Л. 2.

¹⁵ Там же. П. 3. Л. 187.

¹⁶ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. док. Т. 2. Кн. 1. Начало. 22 июня – 31 августа 1941 года. М., 2000. С. 482–486.

¹⁷ Архив УФСБ РФ по Омской области. Ф. 40. Оп. 19а. П. 3. Л. 17.

¹⁸ Бадинов Р. А. Оборона Псковского укрепленного района в 1941 г.: постановка проблемы // Новейшая история России. 2013. № 2. С. 45.

- ¹⁹ Архив УФСБ РФ по Омской области. Ф. 40. Оп. 19 а. П. 4. Л. 35, 36.
- ²⁰ Там же. Л. 36.
- ²¹ Там же. Оп. 14 а. П. 10. Л. 179, 180.
- ²² Там же. Л. 173, 174.
- ²³ Плеханов А. М., Плеханов А. А. Солдаты незримых сражений. Военная контрразведка НКВД СССР в начале Великой Отечественной войны 22 июня 1941 г. – 20 апреля 1942 г. Исторический очерк. М., 2015. С. 215.
- ²⁴ Архив УФСБ РФ по Омской области. Ф. 40. Оп. 19 а. П. 4. Л. 173.
- ²⁵ Дневник красноармейца С.Ф. Пулякова / Блокадные дневники и документы. Сер. «Архив Большого Дома». Изд. 2-е, доп. и испр. СПб., 2007. С. 311.
- ²⁶ Ферретти М. Две памяти об одной войне / Маленький человек и большая война в истории России: середина XIX – середина XX в.: Мат-лы междунар. коллоквиума (СПб., 17–20 июня 2013 г.). СПб., 2014. С. 44.
- ²⁷ Архив УФСБ РФ по Омской области. Ф. 40. Оп. 14а. П.10. Л. 30–32.
- ²⁸ Черказьянова И. В. Ленинградские немцы: судьба военных поколений... С. 20–21.
- ²⁹ Бернев С. К., Пензина А. С. Следствие продолжается ...: Кн. седьмая. СПб., 2013. С. 93.
- ³⁰ Архив УФСБ РФ по Омской области. Ф. 40. Оп. 19а. П. 4. Л. 286, 287.
- ³¹ Иванов В. А. Фронт и тыл в оценках особых органов Ленинградского фронта в 1941–1944 гг. / Ленинградская область в Великой Отечественной войне. К 65-летию Победы. Мат-лы науч. конф. 19–20 апреля 2010 г. / Под ред. Ю. В. Кривошеева. СПб., 2012. С. 188.
- ³² Архив УФСБ РФ по Омской области. Ф. 40. Оп. 14а. П. 10. Л. 157, 158.
- ³³ Плеханов А. М., Плеханов А. А. Солдаты незримых сражений... С. 250.
- ³⁴ Иванов В. А. Органы военной контрразведки Северного фронта в июле – августе 1941 года / Сб. ст. межвуз. междунар. науч.-практ. конф. «Красная армия накануне и в первом периоде Великой Отечественной войны». СПб., 2015. С. 139.
- ³⁵ Архив УФСБ РФ по Омской области. Ф. 40. Оп. 14а. П. 10. Л. 189.
- ³⁶ Там же. Л. 223.
- ³⁷ Там же. Оп. 19а. П. 3. Л. 157.
- ³⁸ Боев В. И. Война и уголовный закон. М., 2009. С. 130–131.
- ³⁹ Зданович А. А. Реформы со знаком вопроса. Военная контрразведка в 1940–1941 гг. // Военно-исторический журнал. 2014. № 4. С. 38.
- ⁴⁰ Зданович А. А. «Повести беспощадную борьбу со шпионами, предателями, диверсантами и всякого рода паникерами и дезорганизаторами». Роль ГЮ в руководстве чекистскими органами в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2012. № 12. С. 32–33.
- ⁴¹ Сенявская Е. С. Человек на войне: опыт становления и развития военной антропологии (по итогам первого десятилетия XXI века) // Маленький человек и большая война в истории России: середина XIX – середина XX в. Мат-лы междунар. коллоквиума (Санкт-Петербург, 17–20 июня 2013 г.). СПб., 2013. С. 220.
- ⁴² Пянневич В. Л. «Люди жили слухами»: Неформальное коммуникативное пространство блокадного Ленинграда. СПб., 2014. С. 72.
- ⁴³ Хорст Г. В сибирских лагерях. Воспоминания немецкого пленного. 1945–1946 гг. / Пер. с англ. Н. В. Гасановой. М., 2007. С. 122.
- ⁴⁴ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 24. Оп. 2 б. Д. 990. Л. 86.
- ⁴⁵ Соболев Г. Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: июнь 1941 – май 1942. СПб., 2013. С. 7.

УДК 94(47).084.8

DOI 10.21638/11701/spbu24.2016.202

Иванов В. А. Человек и какофония начавшейся войны (лето – осень 1941 г.): новые источники и попытки осмысления // Новейшая история России. 2016. № 2 (16). С. 31–43.

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена сложнейшим проблемам начального периода Великой Отечественной войны: политическим, организационным, психологическим и ментальным аспектам крушения мифа о большевистском военно-идеологическом могуществе, смоделированном властями в индивидуальном и общественном сознании советских граждан еще в довоенный период. Анализу подвергается обстановка хаоса, вызванная внезапным и коварным нападением сильного и беспощадного врага на страну и северо-западный регион России в частности, ее влияние на моральный и боевой настрой военнослужащих и гражданского населения. В центре исследования — человек и группы людей, столкнувшиеся один на один с всепоглощающим молохом войны, с ее ужасами и иррациональностью. В работе на материалах центральных и региональных архивов реконструируется картина государственно-правового сумбура и краха уверенности у части военнослужащих и населения в силе и могуществе советского государственного строя. Делается попытка вскрыть лицемерие и недалекость центральных и местных властей в организации ими в предвоенные годы и начальный период войны всей системы идеологической и массово-политической работы, показать цену и порочность так называемой «политической трескотни».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: война, хаос, насилие, крушение жизненных планов, идеологическая работа, репрессии

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); saw357@mail.ru

FOR CITATION:

Ivanov V. A. **Human and the Cacophony of War (Summer–Autumn 1941): New Sources and Attempts of Interpreting**, *Modern History of Russia*, no. 2, 2016. P. 31–43.

ABSTRACT: The article is devoted to complicated problems of the initial period of the Great Patriotic war: a political, organizational, psychological and mental aspects of the collapse of the myth of Bolshevik military-ideological power, simulated by the authorities in the individual and public consciousness of the Soviet citizens in the pre-war period. An analysis is made of the situation of chaos caused by a sudden and treacherous attack of a powerful and ruthless enemy of the country and the North-Western region of Russia in particular, its impact on moral and morale of military personnel and civilians. In the center of the study — people and groups of people facing one-on-one with an all-consuming Moloch of war, with its horrors and irrationality. In work on materials of Central and regional archives reconstructed picture of the state of legal confusion and the collapse of confidence on the part of military personnel and the population in the strength and power of the Soviet state system. Attempted to address the hypocrisy and short-sightedness of Central and local authorities to arrange them in the prewar years and the initial period of the war the entire system of ideological and mass-political work, to show the price and the viciousness of the so-called «political chatter».

KEYWORDS: war, chaos, violence and the collapse of life plans, ideological work, repression

AUTHOR: Doctor of History, Professor, Honored high school Educationalist of Russian Federation, Saint-Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); saw357@mail.ru

REFERENCES:

- ¹ *Vlast i hudozhestvennaja intelligencija. Dokumenty CK RKP(b)—VKP(b), VChK—OGPU—NKVD o kulturnoj politike. 1917–1953*, Ed. A. N. Yakovlev, Comp. A. Artizov, O. Naumov (Moscow, 2002).
- ² *Politicheskaja rabota sredi vojsk i naselenija protivnika v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945)* (Moscow, 1971).
- ³ *Zimnjaja vojna 1939–1949 gg. v dokumentah NKVD: Po mat-lam Arhiva Upravlenija Federalnoj sluzhby bezopasnosti Rossijskoj Federacii po gorodu Sankt-Peterburgu i Leningradskoj oblasti*, Comp. S. K. Bernev, A. I. Rupasov (St. Petersburg, 2010).
- ⁴ Ivanov V. A., Ivanov D. V. 'Mobilizacijnyj plan NKVD SSSR po agenturno-operativnoj rabote na voennoe vremja' in «*Roman s KLIO...: Sbornik statej k 60-letiju prof. S. N. Poltaraka* (St. Petersburg, 2016).
- ⁵ *1941 god — uroki i vyvody* (Moscow, 1992).
- ⁶ Cherkazyanova I. V. *Leningradskie nemcy: sud'ba voennyh pokolenij (1941–1955 gg.)* (St. Petersburg, 2011).
- ⁷ Boldovskij K. A., Sobolev G. L., Khodjakov M. V. '«Vy prosto neorganizovannye ljudi i ne chuvstvuete otvetstvennosti za svoi dejstviya»: iz peregovorov po prjamomu provodu mezhd Moskvoj i Leningradom v 1941–1942 gg.', *Novejšaja istorija Rossii*, no. 1, 2014.
- ⁸ Streit C. «*Oni nam ne tovarishchi...: Wehrmacht i sovetskie voennoplennye v 1941–1945 gg.*», Transl. I. Dyakonov (Moscow, 2009).
- ⁹ Mosunov V. A. *Bitva za Leningrad. Neizvestnaja oborona* (Moscow, 2014).
- ¹⁰ *Rassekrechennoe leto 1941 g.: Sb. dok. v i materialov*, Comp. A. P. Aristov (Moscow, 2011).
- ¹¹ Badikov R. A. 'Oborona Pskovskogo ukreplennogo rajona v 1941 g.: postanovka problemy', *Novejšaja istorija Rossii*, no. 2, 2013.
- ¹² Plekhanov A. M., Plekhanov A. A. *Soldaty nezrimyh srazhenij. Voennaja kontrrazvedka NKVD SSSR v nachale Velikoj Otechestvennoj vojny 22 ijunia 1941 g. – 20 aprelya 1942 g. Istoricheskij ocherk* (Moscow, 2015).
- ¹³ *Blokadnye dnevniki i dokumenty*, Ser. «Arkhiv Bolshogo Doma», 2nd ed. (St. Petersburg, 2007).
- ¹⁴ Ferretti M. 'Dve pamjati ob odnoj vojne' in *Malenkiy chelovek i bolshaja vojna v istorii Rossii: seredina XIX – seredina XX v.: Mat-ly mezhdunar. kollokviuma (St. Petersburg, 17–20 June 2013)* (St. Petersburg, 2014).
- ¹⁵ Bernev S. K., Penzina A. S. *Sledstvie prodolzhaetsja ...*, Book 7 (St. Petersburg, 2013).
- ¹⁶ Ivanov V. A. 'Front i tyl v ocenках osobykh organov Leningradskogo fronta v 1941 – 1944 gg.' in *Leningradskaja oblast v Velikoj Otechestvennoj vojne. K 65-letiju Pobedy. Mat-ly nauch. konf. 19–20 April 2010*, Ed. Yu. V. Krivosheev (St. Petersburg, 2012).
- ¹⁷ Ivanov V. A. 'Organy voennoj kontrrazvedki Severnogo fronta v ijule – avguste 1941 goda' in *Sb. st. mezhdunar. nauch.-prakt. konf. «Krasnaja armija nakanune i v pervom periode Velikoj Otechestvennoj vojny»* (St. Petersburg, 2015).
- ¹⁸ Boev V. I. *Vojna i ugovolnyj zakon* (Moscow, 2009).
- ¹⁹ Zdanovich A. A. 'Reformy so znakom voprosa. Voennaja kontrrazvedka v 1940–1941 gg.', *Voенно-istoricheskij zhurnal*, no. 4, 2014.
- ²⁰ Zdanovich A. A. '«Povesti besposhadnuju bor'bu so shpionami, predateljami, diversantami i vsjakogo roda panikerami i dezorganizatorami». Rol' GKO v rukovodstve chekistskimi organami v gody Velikoj Otechestvennoj vojny', *Voенно-istoricheskij zhurnal*, no. 12, 2012.
- ²¹ Senyavskaya E. S. 'Chelovek na vojne: opyt stanovlenija i razvitija voennoj antropologii (po itogam pervogo desjatiletija XXI veka)' in *Malenkiy chelovek i bol'shaja vojna v istorii Rossii: seredina XIX – seredina XX v. Mat-ly mezhdunar. kollokviuma (St. Petersburg, 17–20 June 2013)* (St. Petersburg, 2013).
- ²² Pjankevich V. L. «*Ljudi zhili sluhami: Neformalnoe kommunikativnoe prostranstvo blokadnogo Leningrada* (St. Petersburg, 2014).
- ²³ Horst G. *V sibirskih lagerjah. Vospominanija nemeckogo plennogo. 1945–1946 gg.*, Transl. N. V. Gasanova (Moscow, 2007).
- ²⁴ Sobolev G. L. *Leningrad v bor'be za vyzhvanie v blockade*, Book 1: June 1941 – May 1942 (St. Petersburg, 2013).